

## Рецензии

### **From Marko Polo Bridge to Pearl Harbor. Who Was Responsible?**

**[От Моста Марко Поло до Пирл-Харбора.**

**Кто несет ответственность?]. Tokyo: The Yomiuri Shimbun, 2006. 414 p.**

Летом 2005 г. в редакции ведущей японской газеты "Ёмиури" была организована и начала работать Комиссия по новому изучению проблемы ответственности за войны. Результаты ее исследований публиковались в течение одного года, завершающие статьи вышли в августе 2006 г. к 61-й годовщине окончания второй мировой войны. Материалы посвящены войнам "эпохи Сёва" (так в японской системе летоисчисления обозначается период с 25 декабря 1926 г. до 7 января 1989 г., когда страной правил император Хирохито). На основе этих статей были выпущены две книги на японском языке и данная монография на английском.

В предисловии английского издания главный редактор "Ёмиури" Ц. Ватанабэ, объясняя необходимость публикации работы писал: "Люди, не имеющие опыта войны, сейчас составляют большинство населения Японии. Поэтому "Ёмиури" как крупнейшая газета страны обязана рассказать народу, кто несет ответственность за развязывание японской агрессии против Китая и войны на Тихом океане, почему эти люди действовали подобным образом, и почему нация продолжала сражаться, когда многие города Японии были превращены в пепел" (С. 7). Имея в виду начавшееся в последние годы охлаждение японо-китайских и японо-корейских отношений в связи с разной трактовкой исторического прошлого, Ц. Ватанабэ подчеркивал, что выполнение его сотрудниками исследования не было вызвано давлением со стороны Китая и Южной Кореи. "Усилия "Ёмиури" были обусловлены уверенностью в том, что без правильного понимания прошлого Японии не может быть подлинно честного и

дружеского диалога с упомянутыми странами, которые в результате этих войн понесли огромные людские и материальные потери, — пишет Ц. Ватанабэ (С. 9).

Хронологическими границами рассматриваемого периода определены "Маньчжурский инцидент" в сентябре 1931 г. (тогда взрыв железнодорожного полотна в пригороде Мукдена, подстроенный группой японских офицеров, был использован как повод для захвата Маньчжурии Квантунской армией) и окончание работы Международного военного трибунала для Дальнего Востока в ноябре 1948 г., когда были вынесены приговоры главным японским военным преступникам.

Исследователи стремились прежде всего найти ответы на следующие вопросы:

1) Почему Япония расширила масштаб военных действий после "Маньчжурского инцидента" 1931 г., ввергнув страну в трясину китайско-японской войны?

2) Почему Япония начала войну с США несмотря на крайне слабые виды на победу?

3) Что побудило японских военных использовать практику "гёкусай" ("почетная смерть") и "токко" ("специальные атаки")?

4) Имелась ли возможность предотвратить атомные бомбардировки Японии Соединенными Штатами и вступление СССР в войну на ее самом последнем этапе?

5) Какие проблемы возникли в связи Токийским процессом Международного военного трибунала для Дальнего Востока?

Анализируя "Маньчжурский инцидент", журналисты "Ёмиури" возлагают главную вину на нескольких офицеров Квантунской армии, прежде всего на С. Итагаки и К. Исихара, подстроивших взрыв части полотна Южно-Маньчжур-

ской железной дороги в пригороде Мукдена (ныне Шэньян) 18 сентября 1931 г. Что касается правительства под руководством премьер-министра Р. Вакацуки, то оно якобы первоначально намеревалось урегулировать инцидент и не допустить операций Квантунской армии по захвату территории Маньчжурии. Однако, пишут авторы книги, глава правительства проявил малодушие и не смог остановить генералов, руководивших вторжением императорских войск в маньчжурские провинции.

Впрочем, в исследовании приведено высказывание государственного секретаря США Г. Стимсона, которое ставит под сомнение вывод о виновности в “Маньчжурском инциденте” исключительно японских военных. Когда Стимсон узнал о бомбардировках японскими войсками города Цзиньчжоу в октябре и ноябре 1931 г., а также об оккупации японцами города Цицикара — столицы провинции Хэйлунцзян — он “убедился, что гражданское правительство Японии не только не утратило способность сдерживать армию, но и в некоторых важных аспектах желало извлечь выгоду из действий военных” (С. 62).

В феврале 1933 г. Генеральная ассамблея Лиги наций одобрила доклад комиссии Литтона, в котором захват Японией Маньчжурии объявлялся незаконным, а созданное Японией в 1932 г. марионеточное образование Маньчжоуго, не было признано полноценным государством. Чтобы обеспечить для себя максимальную свободу действий, Япония вышла из Лиги наций. Тем не менее, японские войска остались на территории Маньчжурии. Исследователи поставили вопрос: почему члены Лиги нации и другие государства со всей решительностью не потребовали от Японии вывести свои войска из этого региона? Ответ очевиден: Великобритания и США попустительствовали Токио, рассчитывая развернуть его милитаристский потенциал против СССР и китайских коммунистов. Приводится следующее мнение американского эксперта по вопросам Японии Х. Мезза, служившего в штабе оккупационных войск союзников в Токио: “Проблема, как ее видели основные державы, заключалась не в том, чтобы останавливать Японию, а в том, чтобы, с одной стороны, только удерживать ее в границах, разумных с точки

зрения их собственных интересов в Китае. С другой стороны, они хотели по-прежнему использовать Японию как часть британской системы безопасности для управления Маньчжурией — регионом, рассматриваемым как зона нестабильности и возможного хаоса, в роли буфера между Китаем и Россией и в качестве средства против возможной коммунистической революции в Китае” (С. 63).

Оккупация Маньчжурии стала предлюдией к дальнейшему продвижению японских войск вглубь территории Китая. К маю 1933 г., когда представители японского правительства и Гоминьдана подписали в г. Тангу соглашение о перемирии, поставившем точку в “Маньчжурском инциденте”, в руках Японии оказалась не только Маньчжурия, но и обширная демилитаризованная зона к югу от Великой Китайской стены.

Основные ошибки японского руководства в отношении Китая исследователи усматривают в “недостаточном понимании китайского национализма” и “неспособности оценить реальную мощь Китая”. Идеологической основой японской экспансии были распространенные в Японии представления о Китае как несостоявшемся государстве. Так, Т. Сакаи, начальник штаба японского гарнизона в г. Тяньцзинь, утверждал, что “Китай можно рассматривать как общество, но не нацию; возможно, более подходящим было бы обозначение Китая как сообщества орд грабителей” (С. 65). Уже упоминавшийся офицер Квантунской армии К. Исихара говорил: “Я сомневаюсь, что китайцы способны создать современное государство — уверен, что ханьская раса будет счастливее, если получит возможность дожидаться своего естественного развития при том, что Япония будет обеспечивать ее мир и порядок” (С. 69). Объясняя причины формирования среди японцев пренебрежительного отношения к китайцам, авторы исследования указывают, что поражение Китая в Опиумной войне 1840 г. против Британии шокировало Японию и заставило ее в поисках образца для подражания обратить взоры на запад. “Кроме того, победа Японии в первой японо-китайской войне 1894—1895 гг. испортила имидж Китая как ведущей страны. Политик Ю. Одзаки отмечал, что японцы вдруг

стали высокомерными, тогда как прежде им не хватало уверенности в себе. Они стали проявлять мало интереса в отношении Китая и Кореи — стран, которыми прежде восхищались как своими учителями” (С. 69).

Новым шагом Японии по пути агрессии стало использование японскими военными инцидента у моста Марко Поло (китайское название — Люкоуцзяо) на окраине Пекина для расширения военных операций в Китае. 7 июля 1937 г. проводившие здесь маневры японские войска обстреляли китайский гарнизон, китайцы ответили огнем. Началась полномасштабная война, которая не прекращалась 8 лет, вплоть до капитуляции Японии. Журналисты “Ёмиури” отмечают, что и в этом случае главными виновниками стали экспансионисты среди японских военных — в частности, начальник оперативного отдела главного штаба сухопутных войск А. Муто и начальник отдела военного министерства С. Танака. По инициативе этих офицеров началась подготовка трех армейских дивизий к отправке в Китай, а позднее военный министр Х. Сугияма сумел убедить правительство Ф. Коноэ в необходимости такого шага.

В книге отмечается, что задачи Японии в войне против Китая были “плохо определены”. В ноябре 1938 г. правительственный кабинет Ф. Коноэ выступил с заявлением, в котором цель военных действий формулировалась как “создание нового порядка в Восточной Азии”. “Однако, — пишут авторы — сегодня широко признано, что это заявление правительство Ф. Коноэ представляло собой лишь слабо обоснованное прикрытие, призванное хоть как-то оправдать стремление Японии обеспечить свое политическое и экономическое господство в Китае” (С. 33).

Несмотря на огромные людские потери (более 2 млн чел. за 1937—1940 гг.) и экономический ущерб, Китай стойко сопротивлялся японской агрессии. В это время в Европе шла война, к 1940 г. Франция и Голландия капитулировали перед нацистской Германией. 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали “тройственный пакт”. Его участники признавали “руководящее положение” Германии и Италии в Европе и Японии в Азии. В Токио инициаторами подписания договора высту-

пило высшее руководство вооруженных сил, которое надеялось за счет налаживания сотрудничества с Германией добиться для японских войск перелома в затянувшейся военной кампании в Китае. Однако подписание Японией “тройственного пакта” означало ее противопоставление Соединенным Штатам и Великобритании. Авторы исследования полагают, что заключение “тройственного пакта” было фатальной ошибкой для Японии: “Подписав пакт, Япония стала союзницей нации, бомбившей Лондон. Японское военное руководство в большинстве своем в этот период было настроено прогермански и не подозревало, какое влияние договор окажет на ход китайско-японской войны. В результате Великобритания усилила поддержку режиму Чан Кайши, США также обещали ему существенную помощь. Проявляя политическую наивность, Япония способствовала интернационализации китайско-японской войны” (С. 280).

В сентябре 1940 г. японские войска вторглись в северную часть французского Индокитая, а в июле 1941 г. и в южную часть колониальных владений Франции в Юго-Восточной Азии. Грабительские мотивы “продвижения Японии на юг” изложены в книге вполне откровенно: “Осуществленный Германией блицкриг поставил Британию, Францию и Голландию, имевшие колонии в Юго-Восточной Азии в катастрофическое положение... В колониях указанных стран имелись крупные запасы нефти, каучука и олова. Япония исходила из того, что заполучив эти ресурсы, она сможет добиться сырьевой самодостаточности и освободиться от сырьевой зависимости от Великобритании и США (С. 101).

Вашингтон в ответ на закрепление японских войск во французском Индокитае 26 июля 1941 г. заморозил японские капиталы в США, а 1 августа 1941 г. запретил экспорт нефти в Японию. На этом этапе война Японии против США была уже неизбежной. Логика агрессии привела Японию в тупик. В ходе продолжавшихся вплоть до 26 ноября переговоров между Вашингтоном и Токио американская сторона настаивала на выводе японских войск из Китая и французских владений в ЮВА. “Некоторые люди с консервативными взглядами утверждают, что война против США была

для Японии “войной самообороны”. В качестве аргументов они ссылаются на введенный США запрет экспорта нефти и на ноту госсекретаря США К. Халла от 26 ноября 1941 г., имевшую характер ультиматума. Однако давление, которое США оказывали на Японию с целью остановить ее продвижение в Китае, в большой мере происходило от сделанных Японией “ошибочных оценок”. В известном смысле Япония сама загнала себя в пропасть” говорится в книге (С. 230).

Исследователи “Ёммури” обвиняют правительство Х. Тодзё и высшее военное руководство в том, что они приняли решение о начале войны против США, невзирая на огромный ресурсный перевес Америки над Японией. Так, в 1940 г. объемы производства стали в США и Японии соотносились как 24:1, объемы добычи угля — 12:1, выработки электричества — 4,5:1, строительство самолетов — 8:1 (С. 115).

Анализируя ход военных действий на Тихом океане, авторы книги указывают на стратегические просчеты японских флотоводцев и военачальников. Так, успешная атака японской авиации на американскую корабельную группировку в Пирл-Харборе 7 декабря 1941 г. показала актуальность теории превосходства в воздухе и первостепенную важность авианесущих кораблей. Однако японские адмиралы, продолжая мыслить категориями Цусимы, по-прежнему придерживались теории, согласно которой решающую роль в морской войне должны играть сражения крупных формирований надводных кораблей, обладающих орудиями большого калибра. Действуя согласно этой теории, Объединенный флот Японии в морском сражении у острова Мидуэй в июне 1942 г. потерпел тяжелое поражение от американцев, 4 японских авианосца были потоплены. Японские линкоры, крейсера и эсминцы, следовавшие на расстоянии 10-ти часов хода от своих ударных авианосцев, не смогли оказать им поддержку в то время, когда сами авианосцы подвергались массированным атакам американской авиации. “Если бы японские авианосцы имели соответствующее боевое охранение линкоров и крейсеров, как это обычно было с американскими авианосцами, результат ответных действий японского флота на удары авиации противника бы-

ли бы совсем другими”, — говорится в книге (С. 137).

В боях за остров Гуадалканал Япония потеряла 20 000 солдат и офицеров, из них 15 000 являлись небоевыми потерями, японские военнослужащие погибли от болезней и истощения. В феврале 1943 г. японские войска покинули остров. Это был поворотный пункт в войне на Тихом океане, с того момента инициатива полностью перешла к американским вооруженным силам.

Американцы захватывали один остров за другим. Это было стратегическое продвижение от одного острова к следующему, расположенному в радиусе действия самолетов; тем самым американцы расширяли зону господства в воздухе своей авиации. В то же время японцы разместили свои гарнизоны на 25 островах, американские войска заняли только 8, а остальные 17 просто игнорировали. На 8 островах в боях с американцами погибли 116 000 японских военнослужащих, в то время как 160 000 были брошены на произвол судьбы на забытых клочках земли. 40 000 из них умерли от голода и тропических болезней (С. 148).

Безнадежное военное положение вынуждало японское руководство требовать от военнослужащих “почетной смерти” вместо сдачи в плен. Невосполнимые потери летчиков и самолетов побудили с октября 1944 г. использовать тактику “специальных атак” летчиков-смертников. Только в боях за Окинаву погибли 3002 “камикадзе”. Это составило 80% общего числа летчиков-смертников (С. 165).

Несмотря на полную бесперспективность продолжения военных действий, руководство Японии не приняло мер для выхода из войны. Авторы исследования считают, что персональную ответственность за это должны были нести К. Коисо, занимавший пост премьер-министра с июля 1944 г. до апреля 1945 г., и К. Судзуки, возглавлявший правительство с апреля 1945 г. до окончания войны. Кроме того, большая доля вины лежит на военном руководстве: военном министре генерале К. Анани, начальнике главного штаба армии генерале Ё. Умэдзу и начальнике главного штаба военно-морского флота адмирале С. Тоёда. Именно перечисленные генералы и адмирал полностью исключали возможность

капитуляции, настаивая на решающем сражении против американцев на территории собственно Японии. Только вступление СССР в войну с Японией 9 августа 1945 г. и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа вынудили руководство страны начать переговоры о капитуляции.

Работа журналистов “Ёмиури” производит глубокое впечатление масштабом исследования и обилием использованных источников. В книге очень ярко показана активная роль японской армии в развязывании войн в 30—40 гг. XX в. Порой милитаристы действовали на опережение, вопреки первоначальным намерениям высшего политического руководства страны, включая императора, и добивались одобрения своих действий задним числом. Имело место явление, обозначенное японским выражением “гэкокудзэ” (“низший подавляет высшего”), когда подполковники и полковники организовывали по собственной инициативе провокационные инциденты, а затем вынуждали генералитет и правительство на полный ход запускать механизм агрессии.

Следует иметь в виду, что военщина в прямом смысле терроризировала японское общество. В мае 1932 г. группа заговорщиков при участии молодых офицеров армии и флота предприняла попытку государственного переворота с выдвижением ультрапатриотических лозунгов. Матежники смертельно ранили премьер-министра Ц. Инукаи и вынашивали план убийства ряда высших правительственных чиновников, лидеров политических партий и руководителей крупнейших концернов. 26 февраля 1936 г. произошел новый путч под руководством фашиствующих офицеров, в его ходе были убиты хранитель императорской печати, министр финансов, генерал-инспектор военного обучения. Премьер-министр К. Окада едва избежал смерти, а главный камергер двора К. Судзуки получил тяжелые ранения. Этот последний в самом конце войны возглавлял кабинет министров Японии. Хотя К. Судзуки понимал необходимость принятия капитуляции, он не решился выразить свою точку зрения, так как опасался покушения на свою жизнь и военного переворота. В конечном счете вопреки традициям окончательное решение о капитуляции принял император (будучи

“священным и неприкосновенным”, он прежде лишь утверждал решения, сформулированные правительством).

Тем не менее, было бы упрощением рассматривать военных в качестве главных действующих лиц, определявших японскую политику агрессии. Внешняя экспансия не была самоцелью. Крупные концерны “дзайбацу” были объективно заинтересованы в захвате зарубежных рынков и источников сырья. Но в рассматриваемой книге только вскользь упоминается об экономических интересах Японии в Китае и других странах Восточной Азии и не исследуется роль концернов в определении внешней политики страны.

В монографии не рассматривается борьба против милитаризма, которую вели коммунисты, социалисты, левые и либеральные интеллигенты, религиозные деятели. Вот несколько примеров. Члены КПЯ вели антивоенную пропаганду даже на флагмане императорского флота линкоре “Ямато”. В застенках политической полиции в результате пыток скончался известный пролетарский писатель Т. Кобаяси, арестованный за пропаганду против войны в Китае. Закончил жизнь в тюрьме в 1944 г. и Ц. Макигути — основатель “Сока гаккай” — современной массовой общественно-религиозной организации. Ц. Макигути решительно отстаивал пацифистскую позицию.

В целом для подхода авторов книги к объекту исследования характерно предпочтение частного общему. Комплексная, многофакторная проблема общей ответственности правящих кругов и элиты страны здесь сводится к отдельным прегрешениям и ошибкам конкретных военных, политиков и чиновников.

В работе подробно освещены страдания и невзгоды японцев, в то время как жертвы и лишения других народов обозначены кратко, в несколько строк. Видимо, это связано с тем, что в данном исследовании поднимается вопрос о вине именно в отношении японцев, а не о международной ответственности. Характерно, что Комиссия по новому изучению вопроса ответственности за войны специально определяла вину за поражение в войнах: “ответственность политических и военных лидеров за последствия их деятельности: за провалы, которые означали предательство японцев

и стоили населению внутри страны и за ее пределами больших человеческих жертв материальных потерь” (С. 288). Но такой подход определяет прагматичную, если не сказать циничную, позицию: агрессия была плоха постольку, поскольку не принесла успеха.

В книге, по существу, ставится под сомнение вопрос о правомерности осуждения главных японских военных преступников за преступления против мира. Подписав в 1951 г. Сан-Францисский мирный договор, японское правительство признало вердикты Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Авторы исследования делают оговорку, что не призывают к пересмотру указанных решений. Вместе с тем, они с явным сочувствием приводят аргументы, выдвинутые защитой в ходе Токийского процесса: “1) Агрессивная война сама по себе не является незаконной. Хотя международное сообщество в пакте Келлога-Бриана 1928 г. отвергло использование силы при решении междуна-

родных споров, сам по себе договор не определяет войну как преступление. 2) Война есть акт государства и поэтому нельзя устанавливать индивидуальную ответственность за войны. 3) “Преступления против мира” представляют собой правовую норму, принятую постфактум, а потому она незаконна” (С. 217).

В Японии в наше время звучат призывы к глубокому переосмыслению войн, которые вела эта страна в первой половине XX в., к выработке национального консенсуса в осуждении японского милитаризма. Авторы книги “От моста Марко Поло к Пирл-Харбору” избегают четких формулировок и ценностных суждений. Видимо, это не случайно, а определяется принципиальной позицией авторов. Похоже, они щадят национальные чувства соотечественников. Содержание работы говорит о величайшей сложности стоящей перед японцами задачи пересмотра оценок исторического прошлого.

*В. Гринюк,  
кандидат исторических наук*

### **Корейское урегулирование и интересы России М.: Ин-т Дальнего Востока РАН; НП ИД “Русская панорама”, 2008. 344 с.**

За последние двадцать лет российская политика в отношении государств Корейского полуострова (КНДР и РК) претерпела кардинальные изменения: в конце XX в. Россия пересмотрела свои отношения с КНДР, установила официальные связи с Республикой Корея, стала принимать участие в многосторонних форумах, расширила и сделала более многообразными формы экономического сотрудничества с обоими корейскими государствами.

Весь комплекс этих вопросов рассмотрен в коллективной монографии “Корейское урегулирование и интересы России”, подготовленной коллективом центра корейских исследований ИДВ РАН (А.З. Жебин, В.И. Денисов, Р.В. Савельев, Ким Ен Ун, С.С. Суслина, В.Г. Самсонова (Пак), И.В. Асмолов).

Хронологические рамки коллективной монографии охватывают период 1945—2008 гг. В исследовании поднят широкий круг актуальных вопросов, касающихся характера российско-корейского политического и экономического сотрудничества, двусторонних связей КНДР и РК со своими ближайшими соседями. Авторы поставили задачу всестороннего анализа и переосмысления места и роли России в системе международных отношений современной Северо-Восточной Азии и сделали ряд предложений по усилению российских позиций в этом регионе в целях более полной реализации российских государственных интересов.

Обращаясь к истории возникновения корейской проблемы, авторы вступают в полемику с корейскими историками, настаивающими на самостоятельном освобождении своей страны от японского колони-